

**Жизнь и подвиги Антония,
старообрядческого Архиепископа
Московского и Владимирского**

Предисловие современного издателя

Предлагаемое ныне вниманию читателя сочинение о жизни и трудах первого Московского Архиепископа Белокриницкой иерархии Антония (Шутова) принадлежит перу Анисима Швецова, будущего епископа Арсения Уральского, выдающегося святителя и апологета Старой Веры. В 1882-м году, когда была написана данная брошюра, он был одним из писцов при Московской Старообрядческой Архиепископии.

Этот труд Владыки Арсения интересен не только как образец старообрядческой литературы прошлого века, но, в первую очередь, как уникальное свидетельство очевидца и участника многих событий в жизни российского старообрядчества 19-го столетия, который лично хорошо знал первого Всероссийского Архипастыря воссозданной иерархии. Описанные здесь картины гонений на старообрядчество в царствование Николая 1-го и борьба Владыки Антония за сохранение, единство и процветание Святой Церкви вызывают в душе современного читателя-старообрядца чувство сердечного благодарения Господу Богу, в столь трудных условиях сохранившего свою Церковь.

Издатели выражают искреннюю надежду, что публикуемое вновь сочинение отзовется во многих верующих усугублением христианской ревности к осознанному

исповедованию Православной Старообрядческой Веры и защите ее Святой Правды от возводящихся и поныне наветов недоброжелателей.

Помощию в этом благородном деле для всякого благочестивого читателя да будут благословение Божие, молитвы Святых Отец наших и блаженная память святителей Антония Московского и Арсения Уральского. Аминь.

Москва, 2003 г.

Жизнь и подвиги Антония, старообрядческого Архиепископа Московского и Владимирского

*В память вечную будет праведник, от слуха зла не
убоится.*

(Псал. 111,6).

Если потомки имеют память о защитниках своего отечества, и почитают незабвенность их памяти доставлением на публичных местах им памятников, с символами их подвигов для того, чтобы вызывать таковую же ревность и в будущих поколениях, то кольми паче для нас, чад Святой Древлеправославной Церкви, незабвенною да пребудет память такого мужа, который попремногу защищал мать нашу, Святую Древлеправославную Христову Церковь, и даже в конец разоряемую в наших пределах весьма тщательно устроил. И привел ее в такой величественный и прекрасный вид, так что ныне уже все смотрят с великим изумлением.

И если похвальным делом почитается стоять за то, что гражданские законы определяют, то тем более есть праведно защищать заповеди Божий и предания Святой Церкви.

Но наш великий Архипастырь, Архиепископ Антоний, был ревностным защитником и усердным исполнителем, как заповедей Божиих, так и преданий свято-церковных. Хотя враги его и Святой Древлеправославной Церкви и тщатся обесславить память его, но доброта оныя для нас должна быть вечно незабвенною. По изречению премудрого: "Похваляему праведнику возвеселятся людие (Притч., 29, 2), и мы желаем для общего веселия христиан правоверующих похвалить сего великого Архипастыря, точию за скудость нашего словеси чувствуем в себе недостаток по достоинству исполнить эту задачу. Обаче же не почитаем праведным и то, чтобы имеющиеся у нас сведения о жизни и деянии такого великого мужа погребсти в землю молчания, но, по убеждению многих братьий своих о Христе, описываем, где и когда он родился и како воспитался, и како пребывал до вступления своего на великое служение Святой Древлеправославной Церкви. И затем скажем отчасти бывшия на него великия гонения за его подвиги яже о благочестии.

Родина убо его есть Московской губернии, Коломенского уезда, село Анастасьино.

Родился же он в 1812 году от отца Илариона и матери Анастасии, простых сельских жителей, которые хотя и держались древних церковных обрядов, но, по встретившимся обстоятельствам, крестили сына своего в новообрядствующей грекороссийской церкви, имя же ему при крещении наречено бысть Андрей. С первого развития понятий его он был обучен грамоте и на 11 году отдан на службу в контору мануфактурной фабрики Сапожкова, находящуюся в их же селении, а чрез три года отдан был в науку рисования в Москве, где проведя два года, он возвратился опять на прежнюю фабрику и был уже мастером рисования, добывая таким рукоделием для себя и своих родителей все нужное и

потребное. Но, между тем, отец его Иларион, болев водяною болезнью около трех лет, в 1827 году скончался, а в следующий год он (Андрей) по принуждению своей матери сочетался браком, но чрез пять лет, на 22 году возраста своего, он оставил жену и мать и свои хорошие по сказанному мастерству занятия, тайно ушел в Норский беспоповский монастырь при посаде Злынке в Стародубье. В беспоповский же монастырь он пошел потому, что и сам он тогда всецело беспоповскому мудрованию был предан, и даже второй раз крестился по лжеучению беспоповцев Московского Преображенского кладбища. Обаче же этот бывший в нем тогда недостаток благоверия не мог быть признаком и потом неверного служения его Святой Церкви, ибо он впоследствии часто повторял оное апостола Павла изречение: "Благодарю укрепляющего мя Христа Иисуса Господа нашего, яко верна мя непщева, положив мя в службу (благовествования). Бывша мя иногда хульника и гонителя, и досадителя, но помилован бых, яко неведый сотворих в неверствии" (1 Тим. I, 12, 13).

Обаче желание его в монастырской жизни еще не могло тогда удовлетвориться, ибо, по строгости тогдашних преследований на старообрядцев, в названном монастыре не могли оставить его на всегдашнее жительство. Почему он и вынудился возвратиться опять на родину, и для приобретения необходимой потребности, он поступил во служение в Москве в контору мануфактурной фабрики Гучкова. В это время и мать его Анастасия скончалась болезнью лихорадки. Затем сей Андрей, о нем же предлежит слово, проживши два года у Гучкова, поехал на жительство в пустыню (сибирские леса). Но в г. Тюмени от купца Барашкова был разубежден в своем предприятии, паки в Москву возвратился, на прежнее свое занятие в контору Гучкова, где еще прожил 7 лет за старшего приказчика.

Опять, вознамерившись уехать в вышеупомянутый Норский монастырь, от своей должности отказался. Но на этот раз он с насилием удержан был от своего предприятия в Москве обществом беспоповцев на должность казначея в Преображенском кладбище. При чем и был он три года, где под его призрением находилось две тысячи человек. Но назирать за надлежащим поведением оных он почитал для себя слишком обременительным игом, и потому решился, было, отправиться в беспоповский монастырь, находящийся в Пруссии, при русской деревне Вольнове. Но, доехавши до Киева, он опять был упрощен возвратиться в Москву на казначейскую его должность, где и еще вынудился пробыть около пяти лет, в течение коих, в 1847 году жена его Ирина, проживаючи на Преображенском кладбище, скончалась. Враги его и нашей Святой Церкви клеветали, что он был двоеженец, но это опровергается тем, что он находился в таком обществе, где брак совсем отвергается, и потому он с ранних лет и с первой своей женой прекратил супружеское сожителство и искал себе монастырского жителства. Посем Андрей Иларионович сделал отказ от должности кладбищенского казначея, и удалился из Москвы в Норский беспоповский монастырь в Стародубье, где и постригся во иночество с наименованием ему нового имени Антоний. И чрез 6 месяцев, в 1850 году, он отправился в Пруссию, в беспоповский монастырь. Но и там оставаться на всегдашнем жителстве ему сделалось невозможно, и он оттуда чрез восемь месяцев, в 1851 году, выехал в Австрию в селение Климоуцы, находящееся близ Белой Криницы, и там поселился он в келиях на огородной земле беспоповцев с некими беспоповскими иноками, коих было семь человек. По прибытии инока Антония в Климоуцы, чрез четыре месяца инок Павел Белокриницкий, который убедил к примирению Святой Древлеправославной Церкви Митрополита Амвросия, прислал климоуцким беспоповским инокам некие

религиозные вопрошения. Они же обсудили эти вопросы возвратить иноку Павлу без всяких ответов чрез сего Антония и инока Иоасафа, которые, прибывши в Белокриницкий монастырь, вошли в келию инока Павла без обыкновенной иноческому входу молитвы, по ереси беспоповской, гнушающей сие обыкновение творить у разномысленных с ними. Но за это Павел сделал им замечание, немало смутившее Антония, который, подав иноку Павлу вопросы, просил не утруждаться более никакою с ними перепискою, так как они порешили не входить с ним ни в каковыя сношения. Павел же просил, если не письменных, то хотя словесных, от них отвещаний на свои вопрошения. Почему Антоний и Иоасаф, ответствуя Павлу, тщались все, что у них бывает противно Заповедям Божиим и Священным Правилам, оправдывать разными событиями и оттуду пристрастными беспоповскому заблуждению выводами. Но инок Павел показал им весьма сильно всю неосновательность их, так что Антоний тут же положил в душе своей намерение наедине проверить с Божественным Писанием его показания и, возвратясь к беспоповским инокам, в течение шести месяцев рассматривал он Божественное Писание и Священные Правила, и в согласность оных рассуждал разные церковныя события, и между тем он и еще дважды беседовал с Павлом Белокриницким, который нарочито для сего приходил к нему в селение Климоуцы. Наконец Антоний вполне признал несправедливость своих беспоповских понятий и решился было свои иноческие книги и иконы тайным образом ночью передать жительствовавшему близ их, принадлежащему Белокриницкой Митрополии, иноку-схимнику Тарасию, и, уже не говоря ничего, удалиться от закосневших в беспоповстве своих собратий в Белокриницкий монастырь. И когда он пришел к иноку-схимнику Тарасию объяснить свои убеждения и обусловиться с ним о передаче ему своих вещей, в то время

беспоповцы начали бить в набат. Тарасий, вышедши из келий, увидел, что народ отовсюду бежит к келиям беспоповских иноков, и вошедши в келию сказал о сем Антонию. Последний же не зная, чтобы такое значило, пошел туда же. Но, пришед, видит множество беспоповцев, собравшихся к его келий, и уже в ней забирающих книги, иконы и прочие все принадлежности его, а когда увидели его самого (Антония), то с неистовым криком бросились на него и сняли с него ряску, мантию, крест, пояс и даже с ног калиги, всячески укоряя его, что он оставляет веру их, и даже устрашали его выдать на русской границе как русского беглеца. Когда же узнали о сем климоуцкие христиане, принадлежащие Белокриницкой Митрополии, которых в Климоуцах не менее было, чем и беспоповцев, начали укорять беспоповцев за таковое насилие их, и брань эта продолжалась не менее одних суток. Но беспоповцы, бесстыдно насильствуя Антония, держали его в келий, как бы арестованного, под строгим караулом, в одной только рубашке, не менее 5 недель, и каждый день вели с ним религиозные препирательства, желая удержать его навсегда в беспоповстве. Однако же противу возражений Антония всегда оставались безответны. И в течении сего времени, четыре раза подъезжали к келии его на четырех парах лошадей, чтобы отвезти и предать его на границе. Но какая-то сила Божия этому неистовству их не позволила исполниться. Антоний же, желая избавиться их неистовства им сказал: "Я вижу, что здесь вы не можете меня разубедить, но живущие в Пруссии, быть может, подействуют на мое убеждение, ибо они более вас начитаны", и просил их отправить его в Пруссию. Климоуцкие беспоповцы долго на это не соглашались, но случилось, что все сожителствующие с ним беспоповские иноки заболели. И сельские беспоповцы, вероятно, забоялись, как бы от больных иноков Антоний не убежал в Белую Криницу, решились по его просьбе отправить

его в Пруссию, и верст 40 до города Черновец провожали его на трех парах под караулом 11-ти человек, а там подряди ли извозчика, что бы отвезти его с одним провожатым в Пруссию. Но извозчика им в Черновцах нужно было ожидать целую неделю. И когда бывший при нем караул возвратился в свое место, тогда Антоний, обещавшись провожатому один дожждаться извозчика и отправиться в Пруссию, уговорил и сего возвратиться домой. И когда инок Антоний остался один, то вместо того, чтобы ехать в Пруссию, отправился в Белокриницкий монастырь. Но подъехав к воротам оногo, оставил извозчика со своими вещами, а сам пошел в келию инока Павла, и, подходя ко оной, положил три поклона. И, свободно отворив дверь, вошел в келию. Инок же Павел тогда был за трапезой с братиею. Антоний, не встретив в келий Павла, подумал, что он вышел для своей нужды. Пождав его, Антоний соскучился и хотел выйти к извозчику, но двери келий оказались заперты. Тогда он с удивительным размышлением должен был ожидать, когда придет инок Павел и отопрет двери. Но инок Павел после ужина, по обыкновению монастырскому, с братиею читал Повечерню, и потом вышел из трапезы с наместником Митрополита Онуфрием и своим келейником, недошед несколько до своей келий, остановился, продолжая какой-то разговор с наместником. Антоний же, скучая о том, что долго задержал извозчика у ворот монастырских, постучал из келий в окно иноку Павлу. Инок Павел и бывшие с ним с великим удивлением слушали стук в запертой его келий. Антоний же время от времени стучал сильнее, а Павел, подошедши поближе к окну своей келий, сотворил молитву Исусову. Антоний же ответствуя: "Аминь", и сам творит ту же молитву, и объясняется, кто он такой. Но Павел весьма удивился тому, каким образом он взошел к нему в запертую келию, от которой и ключ был при себе. Но отперши келию, вошли и приветствовали гостя, странным образом в ню вшедшего.

Инок Антоний сказал им, что его вещи оставлены у извозчика, который ожидает у ворот монастырских. Павел же отвечал, что извозчик сдал их архимандриту, говоря: "Какой-то калугер приехал к вам в монастырь и не идет взять свои вещи". Затем Антоний в подробности объяснил им о своем убеждении и судьбе, каковым образом он мог избыть из рук беспоповских и как свободно мог войти в его запертую келию, и все это Павел тут же возвестил Митрополиту Кирилу и архимандриту Аркадию, и они, пришедши в келию Павла, подивились и порадовались о его к ним прибытии. И по просьбе инока Антония, на утро же почину церковному присоединили его к единству нашей Святой Древлеправославной Церкви и благословили печь хлеба для братии. Это было в начале месяца февраля 1852 года. Но 9 мая того же года рукоположили его во иподиакона, а 1 октября - во диакона. Затем 6 декабря поставили во священноинока, а на другой 1853 год, февраля 3 дня, хиротонисали его во архиепископа Владимирского и всея России и послали его в Москву. Получа же в священной хиротонии Божие благословение на попечение весьма гонимой тогда в России Святой Древлеправославной Церкви, Архиепископ Антоний пошел как бы на великую брань с самим злым искушителем, который за все остальное время живота его не преставал противу его ратовать, но, благодарение Господу Богу, наш крепкодушный борец вышел победителем, о чем и скажем здесь хотя отчасти следующее. Когда он, Архиепископ Антоний, поехал из Белой Криницы в Москву, то, по наущению невидимого врага, еще на пути приключились ему следующие искушения: в г. Каменец-Подольском ухватил его некий злодей, намереваясь представить его правительству как старовера в священном сане. Но, промыслом Божиим, увидел это один купец, сын Святой Древлеправославной Церкви и убедил дарами оного злодея освободить задержанного им. И, таким

образом, освободившись, Архиепископ Антоний отправился в свой путь. Проехавши г. Житомир, одну станцию ему пришлось в почтовой конторе подождать почтовых лошадей. А между сим временем проезжала почта, и почтальон, войдя в контору, с замечанием посмотрел на Архиепископа и, узнав о направлении пути его, вслед по нем проезжая далее, на каждой станции возвещал зрителям, что по сей дороге едет раскольничий поп. И когда ехал Архиепископ, то на каждой станции спрашивали его о проезде раскольничьего попа, и он отвечал вопрошающим, что раскольничий поп остался позади. А в местечках и городах при почтовых конторах следили за проездом сказанного попа, а исправники сами спрашивали о сем Архиепископа. Но ответ его всем был одинаков, что таковой едет позади его.

Приехал он в Москву на Сырной неделе, и проживши у одного христоробца до Пасхи, сделался уже известен беспоповцам, и опасаясь, дабы не последовало от них какого-либо предательства, по их религиозному неистовству на священство Христово, он после Пасхи уехал за 50 верст от Москвы в рощу, и там проживал со сторожем в сторожке под видом банкротства¹ А по ночам часто выезжал оттуда для поставления священников, и так с первого же года своего архипастырства он наставил их повсюду великое множество, чем и возбудил на себя весьма сильную злобу духовенства великороссийской церкви и всего русского правительства, которые тогда по воле императора (Николая Первого), имели намерение до конца уничтожить не только что старообрядческое священство, но даже и вообще все старообрядчество.

Посему русское правительство и приняло строжайшие меры, чтобы поймать Архиепископа Антония, и не только само неусыпно выслеживало его, но и посторонних лиц к сему

1

поиску побуждало, назначая большую сумму денег и другие, весьма лестные льготы тому, кто сможет поймать его. Посему и явилось множество сыщиков, так что в одной Московской губернии их насчитывалось не менее 900 человек, которые почти все свои занятия оставили, и заботились только о том, как бы изловить его.

Итак однажды, в августе 1854 года, Архиепископ Антоний освящал путевую церковь в Москве во Известном ряду, в доме Малышева и, окончив Литургию, собрал в чемодан освященную церковь и приказал убрать оный. И потом, только что окончили трапезу, явилась во двор сего дома сыскная полиция полицмейстера, жандармского полковника, частного пристава, квартального, и множество казаков и жандармов, и пожарная команда. Архиепископ же Антоний, увидавши оных, оделся в халат, и пошел на двор с тем, что пусть уже возьмут его на дворе, а не в доме, но к великому удивлению, он прошел среди ищущей его полиции, с бывшим при нем дьяком, никем не бывши задержан. Полиция же весьма тщательно обыскала весь дом тот и пересмотрела во всех кладовых всякие вещи, точию в ту кладовую, где лежала в чемодане путевая церковь, не зашла, и в доме обыскивала так тщательно, что и трубы печные не оставила без осмотра, и, к великому удивлению, не нашла священной ризы, которая лежала на комодке, накрытая скатертью. И так не нашедши ни Архиепископа Антония, ни священных принадлежностей его, возвратилась восвояси тща и бездельна.

Архиепископ же, с сопутствующим с ним дьячком, проходил оттуда чрез Сыромятники, мимо большой фабрики, при которой по случаю праздничного дня было множество гуляющих людей. Тут встречу им явился видом здорового телосложения человек и закричал: "Вот он, которого ищут, держите, держите его!" Тогда дьячок отскочил от

Архиепископа в толпу народа. Но Архиепископ, не уклоняясь никуда, решился идти навстречу своему супостату, который, однако, не мог коснуться его, а только поскрежетал на него зубами и стал невидим, также и из толпы народа никто не решился задержать Архиепископа, хотя и все смотрели на него, по крику его супостата. Отходящу же ему от сей толпы, догнал его отставший от него дьячок. И они ушли чрез реку Язу в огороды, где и присели в ямке отдохнуть и дожждаться вечера. Между тем

Архиепископ пересматривал некие бывшие при нем тетради. В то время неожиданно подходит к ним какой-то казак, коего увидавши, дьячок пошел прочь от Архиепископа. А казак начал спрашивать Архиепископа, сколь глубока тут Язуа для броду, на что Архиепископ отвечал ему удовлетворительно, а сам оставался неподвижим. Казак же, мало постоявши при нем, пошел к реке, как бы для броду, но дьячок, издали назирая Архиепископа, заметил, что мнимый казак, отходя от Архиепископа, исчез и сделался невидим, о чем сказал он тогда же Архиепископу, и они поняли, что к преследованию им от правительства и от себя нечистый дух наводит различные устрашения. Почему он и еще наипаче стал призывать помощь Божию себе на защищение.

И еще Архиепископ Антоний при выходе из домов в Москве был дважды схватываем сыщиками. Но для сего Архиепископ делал таковую предусмотрительность: намачивал платок в водке и клал его в карман, и когда на него нападали сыщики, он вынимал оный платок, натирал им свое лицо. Тогда сыщики, ощущая от него сильный запах водки, приходили в сомнение о его личности, а он, притворясь пьяным, с помощью извозчиков отбивался, и избегал от рук их.

Однажды сыскная полиция накрыла его, когда он находился в роще, но и там Бог устроил спасение ему, следующим образом. Архиепископ Антоний там проживал с одним сторожем дачи, в одной сторожке, при коей, кроме сенок, не было никакого пристроя, точию возле сторожки было несколько ульев со пчелами. Однажды сторож ушел за чем-то в деревню, и в это самое время явилась к сторожке ищущая Архиепископа тайная полиция, в которой главный начальник сам лично знал его. Время тогда было летнее, и день жаркий. Начальник полиции сам подойти к сторожке убоился, из-за шумящих около нее пчел, почему и послал бывших при нем сыщиков, осмотреть сторожку, которые не знали лично Архиепископа Антония. Архиепископ же имел сторожку изнутри заперту. Сыщики же, осмотрев отовсюду сторожку, и не видя в ней никого, кроме одного Архиепископа, сочли его за сторожа и сквозь окно просили его отпереть сторожку, но Архиепископ отказал им в этом, под предлогом заподозрения в них людей нехороших, и, показывая им ружье, имевшееся у сторожа в сторожке, говорил им, что я буду вынужден прибегнуть к сей защите, если вы будете лезть ко мне насильно. Они спрашивали его, не живет ли тут еще кто с ним? На это Архиепископ отвечал отрицательно. На этот же раз к начальнику полиции случайно подошел сторож с другой неподалеку от сея отстоящей дачи, который хотя знал о проживании Архиепископа Антония в сей сторожке, но почитал оного за банкрота, укрывающегося от своих кредиторов, ибо у того сторожа была жена да мальчик лет десяти, который нередко прибегал в эту сторожку, где был Архиепископ, и сим задарен был детскими подарками, чтобы не разглашал никому о его тут проживании. А потому и отец его решился уверить начальника полиции, что в той сторожке, которую они обступили, кроме одного сторожа, еще никого не проживает. И начальник, нашедши слова его

согласными с тем, что объяснили ему сыщики, прекратил тревогу Архиепископу и уехал в свое место.

В другой раз надобность указала Архиепископу приехать в Москву, где по всем заставам стояли по несколько человек, досматривающих Архиепископа Антония среди входящих и исходящих. На этот раз Архиепископ оделся в понитковый халати поярковую шляпу, по подобию подмосковных огородников, и поехал с одним провожатым на двух лошадях в разнопряжку. И часу в десятом вечера, подъезжая к Москве в Рогожскую заставу, заметил, что у заставы на дороге стоят люди, готовые схватить проезжающих. И он, не въезжая в заставу, возле бывшего тогда валу поворотил к Покровской заставе, но видит, что от заставы гонится за ним на конях погоня. Тогда он хотя и бойко погнал лошадь, но угнать не мог, ибо погоня начала его объезжать, чтобы пресечь ему путь. И тут Архиепископ, вынув из кармана платок, намоченный в водке, натирал им свое лицо, и, подъехав к дому Петра Барабанова, своего тогдашнего покровителя, остановил свою лошадь и начал кричать голосом пьяного Барабанову, говоря: "Петр Васильевич! (это имя Барабанову), пожалуйста со мной в трактир, я вас угощу!" Сыщики же между тем бросились в сани ко Архиепископу, чтобы хорошенько рассмотреть личность его. Но видя выходку его, как пьяного, и ощущая сильный запах водки стали сомневаться в том, что мог бы быть в таком виде Архиепископ, а при том деревенское одеяние, при подвязанной бороде, не дало повода узнать им даже и личность его, Петр же Барабанов, услышав под окном крик и вышед к воротам, понял, в чем дело, и, не подходя даже к саням Архиепископа, начал бранить зовущего угостить, как близкого своего соседа и несостоятельного пьяницу, говоря ему во укор: "Ах ты пьяница этакой, и продал-то всего на рубль, да таскаешься здесь по трактирам до полуночи, а семейство-то твое дома сидит без куска хлеба,

как тебе не стыдно, так распутничать-то! "Побойся Бога - то, поезжай прямо домой!" Но зовущий притворялся сперва этому не уступающим. Дворник Барбанова начал ругать сыщиков, бывших в санях Архиепископа, как жуликов, напавших на пьяного человека, и угрожал отогнать их палкой. Видевши же сыщики такую трагедию, разубедились, что это не тот, которого они ищут. И оставили его свободным. А он, будто бы несколько вняв совету Барбанова, поехал от Москвы прочь. А сыщики, хотя и оставили его, но все-таки долго за ним назирали, не вернется ли он опять в Москву. Но Архиепископ уже на это тогда не мог решиться, уехал в деревню Новинку, отстоящую верст на семь от Москвы, и таким образом избавился от сети ловящих. Быть может, избавление его иной не сочтет за Божие покровительство, так как оно было смешано с неприличным притворством противу его святительского сана. Но если принять во внимание повествование Священной Истории, как святой царь и пророк Давид, бегая от хотящего убить его царя Саула, пришед к Гефскому царю Анхусу, услышал, что отроцы Анхусовы говорили о нем царю своему, глаголюще: "Не сей ли Давид, царь земли (израилевой)? Не сему ли изыдоша жены ликующая, глаголюще: "Победи Саул с тысящами своими". И положи Давид глаголы сия в сердце своем, и убояся зело от лица Анхуса, царя Гефска. Измени лице свое пред ним, и притворися в день той, и бияше во врата града, яко в тимпан, и падаше на руки своя, и паде у врат града, и слины своя точаше по браде своей. И рече Анхус ко отроком своим: "Се видесте мужа неистова, почто его введосте ко мне? Еда не имею аз неистовых, яко введосте его, да беснуется предо мною? Сей да не внидет в домой" (1 Царств, 21,10-15). И тако Давид, избежав сей смертной опасности, 55 псалмом восписал это спасение свое Господу Богу. То в согласность сего и Архиепископ Антоний, хотя и человеческими уловками, и даже изменением лица, иногда

отводил внимание ловящих его. Но все-таки он свое спасение, от расставленных ему сетей повсюду, всецело относил ко Господу Богу своему, показующему на нем милость спасения Своего.

Но мы обратимся еще к тому, как и в других случаях бывали ему избавления из безвыходных опасностей. В 1854 году ему нужно было поставить священника в город Ржев. Он тогда был в роще, а потому и решился для поставления сего выехать в Москву на Рогожское кладбище. Время было Вербная неделя. Он из рощи поехал на санях, но, по бездорожью ему пришлось почти весь путь свой, верст на 80 грязный, совершить в один день пешком, с поспешностью к субботней службе, и к вечеру под Лазареву субботу едва прибыл на Рогожское кладбище в некую келию, в которой при путевой церкви без всякого отдыха начал правило церковной службы, для приуготовления к Божественной Литургии. И тако совершив Вечерню, Утреню и самую Литургию без расходу, он рукоположил здесь представленного на поставление во диакона. Потом, немного отдохнувши, начали и другую службу к воскресному дню, чтобы на ней завершить и священническое рукоположение. И немного не dokonчил утренней службы, как начальница той келий, где совершалась служба, узнала, что по кладбищу ходят полицейские сыщики, разыскивая Архиепископа. И объята быв страхом безмерным, не только что приостановила совершающуюся утреннюю службу, но даже и из келий своей настоятельно начала высылать Архиепископа. Но выйти ему из келий тогда было не что иное, как самому предаться в руки ищущих, ибо время было часа за два полунощи. Обстоятельство его было самое критическое. Он сколько ни убеждал растерявшуюся от страха начальницу келий пробыть у ней хотя бы до полуночи, когда начнут звонить ко всеобщей службе в Рогожской

часовне. Но, на большее себе оскорбление, и на это никак не получал позволения.

Однако же, он при сем упросил единого из бывших при нем идти к конторщику Рогожского кладбища, просить его пораньше начать звон ко Всенощному Бдению. Эта просимость Архиепископа была исполнена, и звон ко Всенощной начали за полчаса ранее обыкновенного. Звонница тогда была принадлежащею к старообрядческим часовням. Когда же по звону люди пошли в часовню на молитву, тогда и Архиепископ пошел в часовню, и стал за столп правого клироса. Но когда часовня стала наполняться богомольцами, тогда сыщики одни стали в дверях храма, а другие ходили по оному, смотря на лицо каждого, не только мужчин, но даже и женщин. И хотя неоднократно проходили мимо Архиепископа, но, по Божию покровению, даже и в лицо ему смотря, признать его не могли. И тако поискав его до шестой песни утреннего канона, вышли из храма, и до окончания службы наблюдали врата кладбища. Между тем Архиепископ Антоний, от тяжести своей одежды и предбывшего труда, еще в половине службы крайне изнемог. Но выйти на отдых, и освободить себя хотя бы от излишней одежды, было невозможно. И так, напрягая все свои остальные силы, с большим терпением ожидал он конца службы. По окончании же оной, народ вышел из часовни, тогда и сыщики от врат кладбища отступили, и Архиепископ, осведомясь о сем чрез близкого ему знакомого, поспешил удалиться с кладбища в более сокровенное место.

Во времена же сих преследований он, большею частию, проживал в деревне Большой Двор. Но так как в этой деревне ни один крестьянин не имеет кроме одной теплой хаты, где только он сам помещается со своим семейством, посему и здесь укрываться Архиепископу было весьма затруднительно, ибо при семьях ему находиться насколько

было неудобно, настолько же и опасно, или определеннее сказать, ни при какой семье ему не было возможно остаться без огласки. А устроить кому бы то ни было нарочитую для него теплую комнату, и еще более могло служить прямым признаком о проживании у него Архиепископа. Посему Архиепископ, не только в летнее, но даже и в зимнее время, находился там более по разным нетопленным комнатам и сеновальным сараям, где претерпевал он не только один холод зимней стужи, но и другое многое лишение необходимых естественных потребностях. Однако же и в таком укрывательстве, проживание его при сей деревне сделалось правительству известно, почему и наезжала туда несколько раз сыскная полиция. Но сие иногда бывало во время его отлучки оттуда, а были и такие случаи. Однажды полиция со множеством казаков и понятых людей обступила вышеупомянутую деревню, поставив вокруг ея караул цепью, со строгим приказом, чтобы никого не выпускать из деревни, и делала кряду по всем домам обыск, проверяя каждое мужское лицо чрез свидетелей, действительно ли он тамошний житель. Архиепископ же Антоний, узнав об этом, тотчас оделся в простую деревенскую одежду, и, взяв в сопровождение одного человека, пошел вон из деревни, но, вышедши на задворки, нечаянно увидел расставленную цепь в карауле, но деться уже было некуда, а потому и он решился идти вперед чрез стоящую цепь, и тут по Божию смотрению они не только не были задержаны, но даже и не спрошены ни о чем, так прошли мимо сего караула, как бы вовсе не замеченными.

Но скажем и о сем, что Архиепископ Антоний при таких строгих ему преследованиях нисколько не ослабевал духом во устройении Святой Древлеправославной Церкви, но с 1853 года и по 1862 год он почти ежегодно лично посещал все христианские общества во Владимирской, Московской,

Ярославской, Костромской, и Нижегородской губерниях, и в сих объездах он нередко встречал себе сети засад, но всегда Господь спасал его от них.

Так, однажды он ехал в село Иваново (а ныне город Иваново-Вознесенск) Владимирской губернии. Шуйский исправник вперед о сем был уведомлен, и поставив сотских на Московскую дорогу, приказал им блюсти въезд Архиепископа и всех, исключая известных им обывателей, въезжающих в село, представлять лично исправнику на свидетельство, которые и представляли многих въезжающих в село. Но Архиепископ Антоний на тот раз въезжал в Иваново с Шуйским старообрядческим священником Евмением, одетые в нагольные деревенские тулупы (ибо время было зимнее) и в больших рукавицах, на плохоньких санях и маленькой лошадке. Посему сотские сочли их за нищих, и не обратили на них строгого внимания. Но так как они въехали в дом еще ввиду их, то сотские подошли спросить домохозяина о приезжих. Хозяин же наперед сего спроса сделал такую предусмотрительность: посадил на ту лошадь, на которой въехал Архиепископ со священником, двух человек из своей семьи, и приказал им отогнать ее в другой дом. А посему на спрос сотских он отвечал, что были у него проезжие и опять уехали. А как не только приезд, но и отъезд от него двух человек на одной лошади сотскими был примечен, то они и ушли от него без всякого обыска. Архиепископ же Антоний для христианского общества сделал тут некоторые распоряжения, о чем слух дошел даже до исправника. Посему он и начал искать Архиепископа по некоторым домам, но, не нашедши его, держал еще наиболее строгий караул на всех дорогах, исходящих из Иванова. Архиепископу же необходимо было выехать оттуда, и он, несмотря на угрожающую ему опасность, но уповая на Господа, обрядился таким же образом, как и въехал, выехал

из села свободно среди самой поставленной на пути стражи без всякого задержания.

Еще Архиепископ Антоний, проезжая Нерехотским уездом Костромской губ., захал ночевать на постоялый двор к знакомому человеку, который, встречая его, тотчас же, распрягнув лошадь его, поставил ее в конюшню. И только что он успел войти с гостем в дом свой, вдруг подъезжает ко двору исправник, нет ли кого вновь приехавшего, но не видя на дворе лошади проезжающего, ослаб в надежде искомого, входит в дом и, показывая хозяину карточку Архиепископа Антония, спрашивает, нет ли у него такового человека? Хозяин отрицал ему, и, как будучи хороший хлебосол, изготовил для него, угостил исправника, так что тот проспал всю ночь без просыпу. Утром исправник повторил к нему свои вопросы, а хозяин ответил ему так же, как и с вечера, так что исправник, едва помня себя, поехал от него. Но покамест исправник находился в этом доме, и Архиепископ Антоний тут же укрывался, а по отъезде исправника и Архиепископ отправился в свой путь. Таким образом он преследовался, доколе министр внутренних дел не издал начальникам губерний, от 15 октября 1858 года,, циркуляр, что Государь Император Александр II преследование старообрядческого духовенства признает не своевременным. По издании циркуляра он уже не преследовался от сыскной полиции, однако же чрез инквизиции разных местных властей, долгое время находился под страхом во укрывательстве. И только с небольшим за 5 лет до своей кончины он решился жить на своей квартире во известности правительства и жил без всякой тревоги, благодаря Господа, спасшего его, так сказать, среди самых для него опасностей.

При таковых же, какие отчасти показаны здесь, бывших ему весьма строгих преследованиях, сей по великодушному терпению своему крепкий адамант, не только что не оставил

строения Святой Древлеправославной Христовой Церкви, почти в конец за многолетнее ее вдовство без православных епископов расстроившейся, но, возложив упование свое на покрывающую его свыше десницу Божию, как бы вполне свободный, поставлял на все расстояния между собою христианские общества священников, а на отдаленные места даже и епископов, снабжая их всеми священными для их сана принадлежностями. Так, в течение первых двух лет он поставил 54 священника, и впоследствии всегда совершал рукоположения разве немного в меньшей сего пропорциональности. А что оскудевало в числе лиц поставляемых, то сие пополнялось качеством высшего достоинства поставляемых: ибо он в России при многочисленно устроенных им парохиях², включительно и своей, учредил дванадцать старообрядческих епископий, как-то: 1) Московско-Владимирскую; 2) Нижегородско-Костромскую; 3) Казанско-Вятскую; 4) Самарско-Симбирскую; 5) Саратовско-Астраханскую; 6) Пермскую; 7) Тобольско-Сибирскую; 8) Уральско-Оренбургскую; 9) Донско-Кавказскую; 10) Балтовско-Киевскую и Новозыбковскую; 11) Измаильско-Бессарабскую; 12) Калужско-Смоленскую, из коих, исключая едину Казанскую, оставшуюся во вдовстве по случаю бывшего тогда бездействия ее епископа Пафнутия, остальные все были под личным управлением своих епископов.

И кроме сего, он весьма усердно трудился в побуждении христиан к созиданию молитвенных храмов, если в которых христианских обществах таковых не имелось. А где представлялась возможность, то даже и самых стенных церквей³,

² парохия (*греч.*) – приход.

³ Стенных церквей - то есть каменных храмов, построенных по правилам церковной архитектуры.

а которые общества стеснялись в таком предприятии своею бедностию, тем способствовал своими благотворениями. И по таковой его доброте, почти всецело на обеспечении его, по многим местам были воздвигнуты великие каменные церкви. А как по многим местам не было возможности, по случаю бывшего преследования старообрядству, поставлять стенные священные храмы для возношения Господу Богу безкровная жертвы, яже по словеси пророческому на всяком месте от Христа Господа на воспоминание смерти Его заповедана приноситься, то для таковых мест он сооружал путевые олтари, каковых в продолжение своего епископства и освятил до нескольких сот. Наипаче же он любил украшать священные церкви и молитвенные храмы святыми иконами, так что немного найдется таких молитвенных домов во всей старообрядческом мире, приемлющем хриstopреданное священство, которые бы не имели от его благословения в своем украшении святых икон. А многие церкви он украсил даже и полными иконостасами. Да и не только умножением духовенства и сооружением молитвенных, храмов и священных стенными путевых церквей он созидал. Святую Древлеправославную Церковь, но с тем вместе и духовную литературу ограждал оную от разных нападений на нее врагов ея. Для чего он, в продолжение своего архипастырства, всегда имел по несколько человек нарочитых писцов на своем обеспечении, пишущих по его приказанию ответы на разные вопросы, в показание правильного существования Святой Древлеправославной Церкви и в надлежащих ей великих гонительных обстоятельствах, и многие возражения на нетерпимые ей клеветы и лаяния от злейших врагов ея. Но как для такой переписки нескольких рук казалось ему недостаточным для многих чад Святой Древлеправославной Церкви, то он некоторые свои сочинения, служащие к защите Святой

Древлеправославной Церкви, с великим усилием потщался издать печатно в заграничных типографиях, поелику в России это сделать ему было невозможно. Положим, что не очень велико было число таковых его изданий, но здесь заслуживает похвалу и уважение не количество, а качество, с каковым трудом все это было производимо. Конечно, если бы такому усердному деятелю не было для печатания книг стеснения в России, тогда он обогатил бы Святую Церковь изданием своих книг по всем отраслям духовного просвещения, ибо ревность его к этому довольно ясно обнаружилась в следующем: он постоянно, по мере своей возможности, приобретал всякие книги Священного Писания и церковных учителей, и хотя во время строгих ему преследований он неоднократно и лишался таковых в немалом количестве, однако и сие не ослабило этой благой ревности его, ибо он, по Апостолу, задняя забывая, а на передняя и еще усерднее простирался, не только что сам всегда пользовался богатою библиотекою, но снабжал многими книгами и прочих собратий своих епископов и более ревностных к слову учения священников и даже таким своим благословением награждал многих и простых христиан, упражняющихся в слове должного христианского поучения. Наипаче же в монастыри посылал духовно-нравственные книги Святых Отец, так что в некоторых монастырях из присылаемых им книг составились большие библиотеки, стоящие великой ценности. Он и по себе оставил библиотеку, нескудно удовлетворяющую в канонических и богословских, исторических же и полемических, а также и во всех духовных нравоучениях потребность церковную. Но и в других случаях он отличался щедрою милостию, так что вполне справедливо следует вложить и во уста его, для объяснения своих деяний, словеса праведного Иова: "Спасах бо убогаго от руки сильнаго, и сироте, ему же не бе помощника, помогох, благословение погибающего на мя

приидет, уста же вдовича благословиша мя... око бых слепым, нога же хромым...и отец немощным", и прочая (Иов. 24,12-16). Спасение его убогих от руки сильных состояло в том, что во время бывшего строгого преследования старообрядческого духовенства, многие священники были заключены в темницы, а Архиепископ Антоний приискивал ходатаев пред высшею властью о таковых, чрез что и освобождались многие узники священники от темниц. А благословение погибающих на нем может разумеется в том: которые не могли от уз и темниц по его ходатайству освободиться, но заключались в крепость, или ссылались в Сибирь и Закавказье, то сим страдальцам он утирал слезы посещением своея милостыни. Сирот же, остающихся после неких священников, пристраивал к хорошим местам для пропитания, и многих вдовиц, в особенности остающихся после бедных священников. А также равно и самим состаревшимся, или отставленным от службы священникам, не имущим чем питаться, предоставлял к существованию обеспечение. И наконец, не оставлял без внимания и слепых, хромым и беспомощных, наипаче же он награждал необходимым принявших обеты иноческого пострижения. В сицевых⁴ милостях своих он дивен был потому, что сии щедроты его происходили не оттого, что он имел каковые либо неисчетны сокровища, но единственно по его просьбе о сем к милостивым христороубцам. Так что и к нему вполне могли быть применимы словеса, сказанные об апостолах: "Яко нищи, а многих богатыще, яко ничтоже имуще, а вся содержаще." (2 Кор. 6,10). И посему великие его благотворения для церквей и неимущих были известны, тик сказать, всему старообрядческому миру, от запада, с Австрийской

⁴ сицевых (церковнослав.) – таковых.

Буковины, и до Севера, с Российского Петрополя⁵ (5) и Архангельской губернии, от юга же с придунайских жителей и за цареградских майносцев⁶. А от востока к северу, с Забайкальской и Амурской областей, а к югу с Терской. Обаче же таковая широкая его известность и слава во Святой Древлеправославной Церкви происходила не только чрез одно достоинство его святительского сана, но более за его добрые дела, чрез которые он нередко встречал даже и внутри Святой Древлеправославной Церкви от лжебратий, своих неистовых крамольников, такие клеветы и придирчивые протесты, с которыми он боролся во все продолжение своего архипастырства. Конечно, и сие было с ним нечто иное, как только в самой точности исполнялось на нем сие апостольское изречение: "И да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти, аггел сатанин, да ми пакости деет, да не превозношуся. О сем три краты Господа молих, да отступит от мене, и рече ми: "Довлеет ти благодать Моя, сила бо Моя, в немощи совершается" (2 Кор. 12, 7-9). Борьба же его, в главных чертах, состояла в том, что во время обращения ко Святой Древлеправославной Церкви Митрополита Амвросия, за Дунаем, в среде сарикойских старообрядцев⁷, был некий уставщик Михаил Иванов, не быв предпочтен в своей депутации при встрече в их селе М. Амвросия, уязвился противу сего завистию, и решился клеветать на сего Богом посланного в нашу Святую Древлеправославную Церковь Архипастыря Амвросия, аки бы он, по всеобдержному обыкновению греков, был крещен обливательно, почему и не имел права во Святой

⁵ *Российского Петрополя* – Санкт-Петербурга.

⁶ *за цареградских майносцев* – до мест жительства старообрядцев-некрасовцев в Турции.

⁷ *в среде сарикойских старообрядцев* – среди старообрядцев, жителей села Сарикои (ныне в Румынии).

Древлеправославной Церкви на святительские действия. Когда эту клевету он развратил некоторых жителей Сарикойского общества, то, подписанием их, эти клеветы послал в Москву, к страждущим таковым же недугом любоначалия, как и он, которые были готовы на все давать протест, что не по их совету и указанию делается в обществе. И эти люди, оставаясь весьма недовольными противу тех, которые из прихожан Рогожского кладбища без их совета сочувственно отнеслись к обращению во Святую Древлеправославную Церковь Митрополита Амвросия, с радостью приняли клевету сарикойского уставщика Михаила Иванова. И на основании ея открыто порицали Митрополита Амвросия обливанцем, и всех от него поставленных самозванца ми. По прибытии же в Москву Архиепископа Антония эта клевета была распространена не только по Москве, но и по всем прочим христианским обществам в России, по смущению которой многие из простосердечных оставались в великом недоумении относительно принятия священства от Белокриницкой Митрополии. А потому Архиепископ Антоний в продолжение своего архиерейства с великим усилием обличал эту клевету, и даже многие христианские общества убедил увериться о погружательном Крещении греков чрез нарочитые их депутации, посылаемые до Царя-града и Еноса, где рожден был Митрополит Амвросий. И столько разослал он повсюду в христианские общества надлежащих на оную клевету опровержений, что, наконец, почти все стали оставлять сию клевету без внимания, и без сомнения принимать священство, происходящее во Святой Древлеправославной Церкви чрез рукоположение обратившегося к ней Митрополита Амвросия.

Не менее сего он имел борьбу с раздором, родившимся внутри Древлеправославной Церкви, чрез изверженного

епископа Софрония. Этот Софроний еще ранее Архиепископа Антония был поставлен епископом в Россию от Белокриницкого Митрополита, с наименованием Симбирского. Но будучи единственным в России для Древлеправославной Церкви епископом, он не восхотел добре строить этот виноград Христов, но по страсти сребролюбия начал порочить Древлеправославную Иерархию симониею, о чем узнав, Белокриницкая Митрополия, решила пресечь это зло поставлением в Россию сего Архиепископа Антония, с наименованием Владимирского и всея России. Но когда прибыл в Россию Архиепископ Антоний, то епископ Софроний не только что не подчинился его старейшинству, но даже решился против его и Белокриницкой Митрополии соперничать, следующим образом. Он поспешил поставить в Уральск епископа Виталия и потом с Виталием друг друга нарекли Митрополитами и, наконец, пригласили к себе еще некоего старца Израиля, и из среды себя сами жребием избрали Израиля, и поставили его в Патриарха Всероссийского.

Против же такового их неистовства немало было борьбы Архиепископу Антонию: сначала он об этом доносил Белокриницкой Митрополии, и когда последовал оттуда на это законный суд, то Архиепископ потщался это привести в общеизвестность всем христианам, чрез что Софроний со своими клеветами от всех благомыслящих христиан и был сознаваем, по суду Белокриницкой Митрополии, за отлученного от церковного общения бесчинника. Чем Софроний будучи утеснен, пришел к Архиепископу Антонию с притворным раскаянием и просил себе прощения за свои противные оному деяния. Архиепископ же Антоний, по своему незлобию, не мог провидеть лукавства Софрония, но паче желая от него умиротворения церковного, с сущим при нем Освященным Собором, принял Софрония к церковному

общению в его епископском звании, только что без назначения ему места к духовному управлению, впредь до надлежащего рассмотрения об этом большим Освященным Собором. Потом Архиепископ Антоний, быв отягощен разными придирками от других своих собратий, решился оставить иерархическое управление всей России в ведение Освященного Собора и Московского Духовного Совета, Тогда Софроний это управление захотел было присвоить себе, однако же от Российского Освященного Собора достичь ему сего не удавалось. Он отправился в Белокриницкую Митрополию, и там, нашед своему замыслу пособников, жаловался Митрополиту Кирилу, аки бы на великие беспорядки российских епископов, и, как бы для исправления оных, убедил его с собою явиться лично в Москву, с целию здесь при посредстве Митрополита получить себе Всероссийское иерархическое управление. По прибытии же в Москву, Митрополита Кирила, Софроний постарался обставить его своими сторонниками, почему хотя М. Кирил и имел свидание с прилучившимися тогда в Москве четырьмя российскими епископами, но ничего не мог с ними делать по общему согласию. А увлекся исполнять только прихоти Софрония и его сторонников, что и поставило его в такой разлад с российскими епископами. Так он не менее семи лет продолжал с ними безрассудные пререкания, и издавал по временам на них разные противозаконные предосуждения. Но когда российские епископы увидели произведенные в Святой Древлеправославной Церкви беспорядки Митрополитом Кирилом, то решились рассмотреть сии всеобщим Собором по Правилам и, к предбудущему предостережению Святой Церкви от этого, возвести на Московский святительский престол святителя. Собор вскоре у них состоялся, который положил свои законные определения на все противозаконные действия Митрополита Кирила и епископа Софрония, и поручил

Московский святительский престол Архиепископу Антонию. Это было в июле 1863 года. Собор сей, закончив свои деяния, предложил оный Митрополиту Кирилу, требуя на это его согласия, но видя его нерешимость, он чрез послов своих представил свои деяния на свидетельство Митрополиту Амвросию⁸, и получил от него на все надлежащее утверждение. Причем Митрополит Амвросий строго предписал и Митрополиту Кирилу не ратовать противу Собора российских епископов, устрояющего Святую Древлеправославную Церковь по Священным Правилам. Тогда Митрополит Кирил согласился, было, на мир, предложенный ему от российского Собора и Митрополита Амвросия, как законные подтвердил все деяния российского Освященного Собора. Но бывшие в союзе с епископом Софронием, изверженным от российского собора 1863 года, остались недовольны примирением Митрополита Кирила с российскими епископами и умыслили не только что развратить его от оногo примирения, но еще и увлечь на более вредные для Святой Древлеправославной Церкви деяния. Они представили ему из Гуслиц⁹ некоего инока Антония и просили хиротонисать его на Москву епископом, каковая просьба и была удовлетворена недоброрассудно М. Кирилом, и таким образом явился пред Архиепископом Антонием восхититель его престола, который в продолжение

⁸ Митрополит Амвросий находился в то время в ссылке в австрийском городе Цилли (ныне это территория Словении), посланникам русских старообрядцев пришлось проникнуть к нему нелегально.

⁹ *Гуслицы (Гуслица)* – местность на юго-востоке современной Московской области, по реке Гуслицы, в прошлом веке имевшая значительное старообрядческое население.

двенадцати лет соперничал не только одному Архиепископу Антонию, но даже и всем российским епископам, возводя на них разные клеветы и нелепости и по их епархиям всех, кто только мог попадать ему под руку, поставлял в попы без всякого разбора, а которые попы от Архиепископа Антония и российских епископов за свои вины были запрещены или извержены по Священным Правилам, то сей Антоний, именуемый второй епископ Московский или Гуслицкий, без всякого расследования принимал к своему общению в поповском их сане и звании, только бы кто из них к нему обратился. И, наконец, отстраненного Архиепископом Антонием от священства жителя деревни Матвеевки, Семеновского уезда Нижегородской губернии, именуемого по-иночески Иосифа, поставил во епископа, который по смерти своего рукоположителя начал продолжать в большей мере начатое им церковное бесчиние, соперничая Архиепископу Антонию и прочим российским епископам. С сими-то лицами Архиепископ Антоний и продолжал беспрестанную борьбу до самой блаженной кончины своей. Сколько при этом было заботы и труда его о надлежащем их примирении, для общего умиротворения Святой Древлеправославной Церкви, все это в подробности могут обдержать одни только животные книги¹⁰, а здесь описать все это уже неуместимо. Эти заботы и труды его, хотя и не увенчались вполне успехом, противу его желания, но все-таки не остались и здесь вовсе тщетными, ибо его потщанием наконец был приведен к чистосердечному раскаянию о своих законопреступных делах Кирил, Митрополит Белокриницкий. А посему Белокриницкая Митрополия и

¹⁰ *Животные книги* – «Книга жизни» – книга, в которую, согласно Церковному Учению, Ангелы Божии заносят дела всех живущих на земле людей для предоставления их на Страшном Суде Христовом.

доныне в мире со всеми российскими епископами пребывает: Также и Уральская область, почти всецело по софрониеву развращению отставшая, было, от единства церковного, но тщанием Архиепископа Антония паки возвращена к единству святоцерковному, и снабжена своим Архипастырем, и, кроме того, частным образом по содействию его и во многих других местах от упомянутого раздора сделано примирение. Почему и может он вполне быть наречен истинным миротворцем для Святой Древлеправославной Церкви.

Не менее сего он имел борьбу и чрез отступивших от Древлеправославного исповедания в единоверие неких писцов его, и священников, и даже самых иерархов, которые из зависти к твердому благоверию его вооружались на оное по всем изворотам лжи и лести печатною литературою, и весьма неистово старались чернить его личность всякими грязными красками, хотя о последнем он и не беспокоился, но о первом весьма много пришлось ему говорить и писать, для успокоения простосердечных христиан, чрез оное блазнящихся.

При всем том он жил в воздержании и не нарушал постов, преданных Уставом Святой Церкви, всячески удалялся не только от упивания хмельными напитками, но даже и от простого питья теплой воды. А более всего упражнялся молитвами к Богу, так что ни на один день не оставлял того, чтобы не молиться иноческое келейное правило и уставную церковную службу. А большею частию молитвы своя усугублял служением Божественных Литургий, и таковым трудам не изменял даже и в самых немощах своих. Так что и пред самую кончиною жизни своей, не более как с тридневным пропуском, отслужил кряду около ста Божественных Литургий.

Итак, по указанной здесь части добродетелей его, кажется, и к нему могут быть применимы апостольские слова: "В путных шествиях множицею: беды в реках, беды от разбойников, беды от сродников, беды от языков, беды во градах, беды в пустынях... беды во лжебратии, в труде и подвижении. Во бдениих множицею, во алчбе и жажде, в лощениях многаши, в зиме и нагоде, кроме внешних нападений, еже по вся дни, и попечение всех церквей. Кто изнемогает, и не изнемогаю! Кто соблазняется, и аз не разжизаюся! Аще хвалитися ми подобает, о немощи моей похваляюся" (2 Кор. 11, 26-30).

Сей убо точный в сказанном подобник апостольский, при всех восставляемых на него показанных треволнениях, как несокрушимый адамант держал кормило церковного управления без трех месяцев 29 лет, наконец достиг того пристанища, к которому направлено было течение жизни его. Продолжая убо, как было выше сказано, служение Божественных Литургий, со 2-го на 3-е число ноября 1881 года, он отслужил с вечера вечернее и утреннее священнослужение, а завтра предполагал служить Божественную Литургию, чтобы на ней рукоположить в Меленковский уезд священника, но в ночи сильно объяла его болезнь сердечная, какою он и прежде страдал весьма тяжко, так что врачами был уже отчаян живота, но к великому их удивлению, по милости Божией, исправился своим здоровьем. Но заболел в этот последний раз, он начал по всем текущим делам своим давать окончательные приказания. Келейник его осмелился ему сказать: "Что же вы, Святой Владыко, о всем так окончательно приказываете, авось Господь исправит ваше здравие, и тогда вы сами конец сих делов усмотрите?" Архиепископ же ему отвечал: "Нет, Иван, (так назывался его келейник), не смею я теперь и Бога просить о сем, ибо когда я сильно болел, то просил у Бога здравия на два года, и он по Своей милости даровал мне

пять, а потому я и должен быть этим доволен", и наконец сказал: "Ты, Господи, Владыко моему животу, аще потребно есть житие мое на служение Святой Церкви Твоей, то можеша и еще ми сие подати, но аще не угодно есть сие Твоему Величеству, то да будет воля Твоя". Но Всевышнему было угодно уже подать покой сему Своему труднику, ибо он болел пять дней внутренним воспалением, но в полном сознании. В первый день своей болезни призывал к себе своего духовника и пред ним учинил себе по долгу христианскому предсмертное исправление. А на третий - соборовался маслом. Между же сим многие из христиан посещали болящего своего Архипастыря, и он со всеми разговаривал, хотя и слабым голосом, но вполне удовлетворительно; даже делал некоторым требующиеся наставления. В четвертый же день его болезни посещали его некие из уклонившихся в раздор церковный, и он советовал им, яже суть нужно к миру церковному. В тот же день являлась к нему депутация с просьбою рукоположить представленного оною человека им во священника. Болящий же Архипастырь благословил сию депутацию отправиться в Тулу к епископу Саватию, почему и приказал написать ему от себя прошение, чтобы он рукоположил представленного во священника. Прошение к епископу Саватию, да ставленную грамоту диакону Иоанну в этот день он еще сам подписал, сидя в постели. Пятый день болезни его был 7 ноября, субботний, и он за благо рассудил пригласить к себе в квартиру священника, для совершения Всенощного Бдения, на предстоящий воскресный день и память Собора Небесных Сил, и Божественной Литургии. В начале же Бдения Всенощного в квартире своей он дал приказание священнику поминать на ектений неких памятных ему благодетелей, но в продолжение ее он уже стал крайне изнемогать, и с окончанием ее замолк и глас его, после чего он еще продолжал свое дыхание до осми часов, весьма в тихом и

спокойном состоянии, и даже в полном чувстве своего сознания, ибо между сим ему преподано было приобщение Божественных Таинств, и он принял их вполне удовлетворительно. И в 7 часов утра 8 ноября тихо предаде душу свою в руце Божию.

Убран был, яко же святителем подобает, и предан земли на Рогожском кладбище, с великим чувством сожаления от духовных чад его, которых на погребение Архипастыря своего собралось столько, что всех не мог вместить известный своею обширностью храм Рогожского кладбища¹¹.

Итак, закончив течения сея временные жизни, добрый Святой Древлеправославной Церкви Архипастырь и верный раб Господу своему, блаженной памяти Архиепископ Антоний, преселился на превечную жизнь, идеже да будет ему на Небесех покой со святыми, и здесь яко праведнику с похвалою вечная память.

Написал же очерк сего жития, ово из уст самого Архиепископа Антония слышавший, а ово и сам непосредственно видевший, бывший при нем более 15 лет писарем, многогрешный раб Божий Анисим Швецов, в феврале месяце 1882 года.

¹¹ Покровский храм на Рогожском кладбище, построенный в 1792 году, вмещает около 10-ти тысяч молящихся.